Роман БАГДАСАРОВ

Космология богородской игрушки

В ареале влияния монастырей практически всегда процветали ремёсла, возникали слободы, в которых не только производился товар на продажу, а изобретались узоры, орнаменты, а иногда целые художественные стили. Поэтому достойно пристального внимания то, что Сергиев Посад – «столицу монашества» центральной России – издавна прозвали «столицей потешного царства». Историки культуры часто сравнивают Сергиев с Нюрнбергом. Ведь в нём, как и в знаменитом немецком городе, жили сотни резчиков, токарей, «лепил», «красил», «одевальщиц» и других кустарей, чей труд был посвящён изготовлению игрушек[1]. Славу игрушечного царства Нюрнберг приобрёл, начиная с XIV века. В том же столетии была основана Троице-Сергиева лавра...

Трудно объяснить подобную синхронность. Однако игрушечные промыслы в Посаде и окрестных деревнях возникли не случайно, а по прямому благословению преемников святого Сергия Радонежского. Посетителям церковно-археологического кабинета при Духовной академии показывают изящную ложку преподобного Сергия, струганную из яблони. Легенда же гласит, что преподобный вырезал деревянные фигурки и дарил приходившим детям. Память об этом запечатлели «ведучки» – грубоватые фигурки, изображающие первого троицкого игумена в окружении ребят, которых он ведёт по жизненному пути. Игрушками обязательно торговали при входе в храм, их покупали детям, чтобы посещение богослужения было запоминающимся, а само присутствие там нескучным.

Любой, кто посетит сегодня Музей игрушки (далеко не случайно переехавший в Загорск из Москвы в 1931 году), может оценить глубокое своеобразие сергиевской игрушки. Она оригинальна в любой ипостаси: будь то мягкая кукла, которую шили в мастерских Покровского женского монастыря в Хотьково, фарфоровые персонажи басен Крылова, изготовлявшиеся фарфоровым заводом Попова, или жестяная игрушка из деревни Астрецово (которая хоть и стояла на Яхроме, была ориентирована на Сергиев Посад как на основной рынок сбыта)... Особое место в этом ряду занимает резная игрушка из села Богородское, с помощью которой мы проиллюстрируем свою гипотезу.

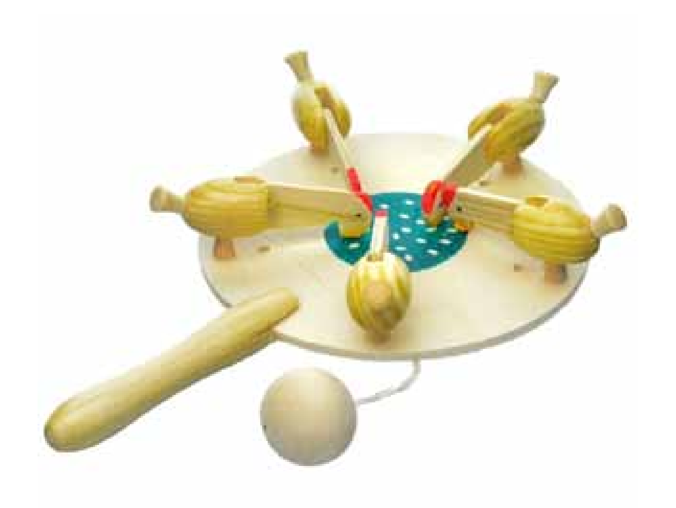
[1] *Дайн Г.Л. Игрушечных дел мастера. М., 1994. С. 11–12.*

А гипотеза следующая: *принципы, заложенные в основе некоторых разновидностей богородской игрушки, а также сам способ обучения мастерству резчиков, транслировали идеи христианской космологии и православной аскетики.*

Сразу внесём ясность: «богородская резьба» – условное определение. Где точно она зародилась – неведомо. Однако на протяжении нескольких веков резавшие игрушку мастера периодически сосредотачивались в окрестностях этого села. Окончательно Богородское попало в орбиту Троице-Сергиева монастыря, когда перешло в его собственность от бояр Плещеевых в XVI веке.

Среди игрушек, которые зафиксированы в ассортименте конца XIX века, немалую долю составляли «дергачи», или игрушки «на движении». Это «кузнечики» (кузнецы, попеременно бьющие по наковальне), разводы с гусарами, домашними животными и другими группами фигурок, петушки, медведи, выполняющие самые разные трюки, чаепитие и другие сценки повседневности...

Чтобы игрушка ожила, нужно сообщить ей движение через тот или иной механизм. Прежде всего им служит «баланс», или «противовес» – шарик на шнурах, который, кружась, попеременно ослабляет и тянет рычаги движущихся частей фигурки. Баланс может приводить в движение как единичную фигурку, так и целую группу. Сегодня наиболее популярная игрушка такого типа – «куры на кругу», правда, считается, что она появилась уже в советскую эпоху. Более примитивны-

ми являются парные фигурки на сцепленных плашках. К этому типу относятся кузнечики. Когда планок несколько (4, 6, 8) и фигурки крепятся к ним горизонтально, а не вертикально, они образуют разводы. Расходясь и сходясь, планки выстраивают фигурки в чередующиеся ряды.

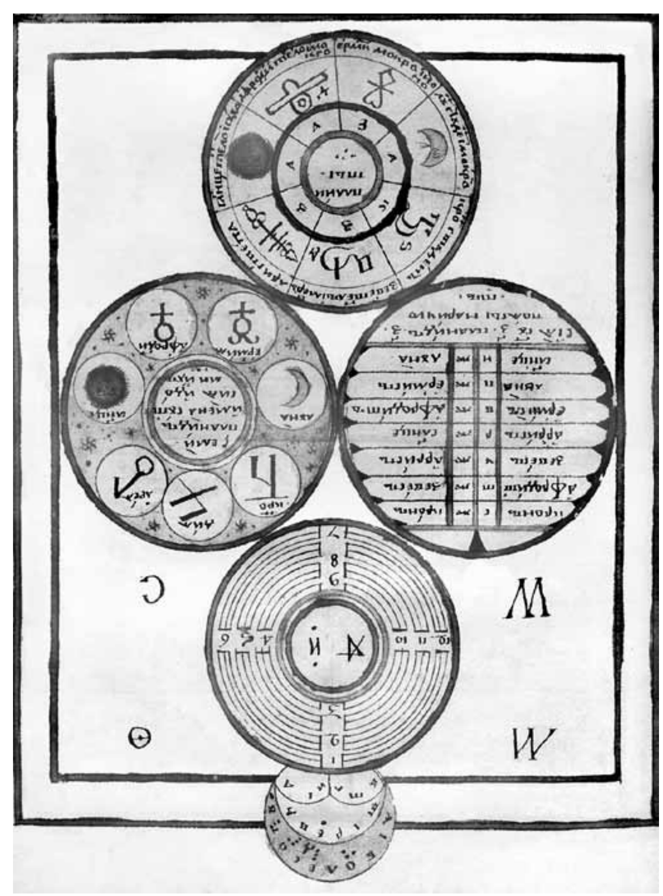
К какому типу можно отнести подобные игрушки? Иными словами, зачем в них играли? Это не праздный вопрос, поскольку в основе разных типов игрушки лежит различная воспитательная функция.

Поэт и философ Фридрих Георг Юнгер выделял подражательность как главное свойство игрушки. Он считал, что для детей нет ничего более важного, чем *игра подражания*[2]. Девочки, пеленающие кукол, наводящие порядок в маленьких домиках, мальчики, строящие солдатиков, пускающие вагоны по железной дороге, кораблики в воду и самолётики на воздух, а также пользующиеся моделями настоящего оружия, инструментов и вообще, моделями в широком смысле слова – конструкторами, песочными башнями, каналами и запрудами, – все эти дети играют в подражательные игры. Они отображают деятельность, которой заняты взрослые.

Главной функцией куклы антропологи считают *антропоморфизацию*. Причём это не зависит от того, напоминает ли кукла человека. Мишки, зайки, ёжики вплоть до сов и осьминогов приучают видеть в Другом человека, поскольку дети бессознательно проецируют на них это центральное клише восприятия.

Если мы обратимся к богородским игрушкам «на движении», то увидим, что они не призваны очеловечивать, делать тёплыми и близкими образы героев. Не нацелены они и на подражание. Построения всадников или коровок на «разводах» совсем не рассчитаны на то, что ребёнок будет моделировать эти движения, учиться конной маршировке или выпасу стада. Почему же так интересно наблюдать за богородской игрушкой, и даже взрослые иногда не прочь побаловаться, раз за разом заставляя точёные фигурки повторять их немудрёные жесты?

Главное, на чём сосредотачивается внимание играющего, это *процесс*. Мы видим, как люди, звери, птицы, устройства, сделанные человеком (колёса повозок или сегменты мельницы), независимо от собственного вида повторяют одинаковые движения. Процесс повторяется, следовательно, он закономерен. Не будет преувеличением сказать, что ребёнок, наблюдающий за ним, постигает

действия законов механики. Перед ним разыгрываются лабораторные опыты по механике, облечённые в занимательную, легко усваиваемую форму.

Разве, двигая плашки «кузнечиков», ребёнок не получает тактильное представление о равенстве действия и противодействия? Разве, раскручивая шарик-балансир, он, без помощи уравнения, не узнаёт, что сила, действующая на материальную точку, вызывает ускорение, пропорциональное этой силе по модулю и направленное вдоль линии ее действия? Разве, наблюдая за гвоздиками, на которых крепятся планки разводов, он не видит, как изолированная от действия других материальных тел материальная точка сохраняет состояние покоя?

Что же получается? Если резчики (как они до сих пор сами подчёркивают) издавна работали «по образцу и по подобию», а образцы «дергачей» они получили из Троице-Сергиева монастыря (владельца Богородского), то в православных монастырях Руси занимались научными исследованиями? Не путаем ли мы православие с католицизмом, где существовал тип учёного монашества, наиболее известным представителем которого являлся орден доминиканцев?

[2] *Юнгер Ф.Г. Игры. Ключ к их значению. СПб., 2012. С. 90–91.*

Рассуждать подобным образом значит совершать аберрацию – переносить сегодняшние представления на прошлое, когда существовал иной уклад. В русских монастырях, конечно, не занимались классификацией насекомых или химическими опытами. Однако это отнюдь не означает, что научные знания обходили стороной. Да, механика или та же химия не были известны на Руси как эмпирические науки. Но соответствующие знания циркулировали как часть конкретных технологий (строительных, металлургических) и были включены в традиционную картину мира посредством натурфилософских сочинений.

В библиотеке Троице-Сергиева монастыря как минимум с XVI века находились комментарии Галена к сочинениям Гиппократа, повествующие о стихиях макро- и микрокосма. Такая же рукопись была обнаружена в Кирилло-Белозерской обители, основанной учеником преподобного Сергия Кириллом.

Первое место среди подобных книг в монастырских скрипториях занимали Толковая Палея и Топография Козьмы Индикоплова. Эти трактаты описывали устройство мира, в котором действует ряд законов, перешедших в современные естественные науки, – но, в целом, устройство далёкое от того, как представляет себе мироздание академическое знание сегодня. И не мудрено: ведь авторы Палеи и Топографии ставили своей задачей не просто описать вселенную, а описать её в согласии с Библией.

К одним из главных свойств такой вселенной относилось сочетание неподвижности каркаса мироздания с отрицанием автономного движения звёзд. Иными словами, причины и пути следования небесных тел инициированы силами другого порядка, нежели они сами. Говоря языком религиозных символов, звёзды двигаются не сами по себе, а их направляют ангелы.

Эта идея заключена в самом принципе приведения богородской игрушки в движение. Мы наблюдаем некие сцены жизни, которые запускаются извне, то есть самим играющим. Действия игрока проявляются по отношению к фигуркам как источник высшей воли: он может направить импульс, а может блокировать его, остановив движение. Но эта высшая воля проявляет себя не непосредственно, а передаётся через определённый механизм. Именно так и устроено творение, согласно Библии. Господь творит вселенную, используя иерархию небесных сил, которые затем становятся ответственными за поддержание порядка в ней, за начало и конец космических циклов.

Изображение подобных механизмов можно найти на миниатюрах древнерусских книг. К примеру, синхронистичность, возникающая из совмещения нескольких циклов времени, традиционно отображалась на иллюстрациях «Круга миротворного» – сочинения, содержащего астрономические пасхальные расчёты.

Для православной космологии не существовало абстрактных законов и анонимных природных явлений. Действие любого закона было проявлением божественной воли, а за каждым явлением стоял свой ангел: ангел солнца, ангел грома, ангел града и т. д. Мир представал абсолютно одухотворённым, насыщенным присутствием высших сил.

Поэтому, предаваясь созерцанию игрушечных сцен, ребёнок на уровне рефлекса усваивал религиозные постулаты об иерархическом устройстве мира и подчинённости Божественной воле происходящих в нём событий.